

# Петушинная песня

Пьер Ламуре и его «Конференция птиц»

*Коммерсантъ. — 2005. — 3 февр. — с. 22*

## гастроли танец

**В придачу к кинопрограмме об уникальном танцовщике Жане Бабиле (см. „Ъ“ от 1 февраля) Французский культурный центр показал в «Школе драматического искусства» моноспектакль его молодого коллеги Пьера Ламуре «Конференция птиц». Соседство этих имен повергло ТАТЬЯНУ КУЗНЕЦОВУ в глубокое недоумение.**

Пьер Ламуре — высокий брюнет лет тридцати с мелкими чертами маловыразительного лица и прелестной тонкой фигурой — до двадцати лет занимался живописью, потом заболел театром Мнушкиной и Брука, после чего решил, что лучшее средство

самовыражения — сцена. Своими физическими данными художник был удовлетворен настолько, что самовыражаться решил пластически. Для этого он начал брать уроки танца и перечитывать персидскую притчу о птицах, искавших себе царя. По собственному признанию, господин Ламуре мучительно искал способы ее сценического воплощения до тех пор, пока не встретился с господином Бабиле. После чего ему все стало ясно — и вот уже три года он настойчиво показывает публике свою «Конференцию птиц».

Стройный молодой человек с голым торсом, в черной юбке-штанах и пухлых поролоновых чунях (позволяющих ему легко крутиться на натертом паркете и



На «Конференции птиц» зрители гадали: кого сейчас изображает Пьер Ламуре — петушка или курочку? ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

даже привставать на кончики пальцев) рассказывал притчу в лицах, сопровождая мелодекламацию нехитрым набором телодвижений. Книгу Фариды Атгара переложил на французский писатель Жан-Клод Карьер. Восточная цветистость, помноженная на французскую афористичность и усугубленная русским переводом, звучала нелепо и претенциозно. Выбор у зрителя был невелик: либо пробираться по лабиринту сюжетного хаоса, то и дело набивая шишки об острые углы фраз типа «счисти ржавчину своего сердца» или «выньте руки из детства». Либо развлекаться тем, как автор изображает то воробушка (присгибая ножки в коленочках), то орла (скрючив пальчики когтями), то

попугайчика (выпрямив спинку), то старичка (согнув оную). Совместить текстовую и визуальную части спектакля не удалось: пластическая иллюстрация пафосного текста оказалась комически примитивной.

Господин Ламуре корчил рожицы, вертелся дервишем, менял тембр голоса с фальцета на баритон, угрожающе шептал и пронзительно вскрикивал, падал на пол, вспрыгнул раза два и даже вспотел. Сидящий в первом ряду старец Бабиле с сочувствием следил за стараниями молодого Ламуре — в те нередкие минуты, когда не дремал. Наблюдать этот честный сон и счастливые пробуждения было куда интереснее, чем следить за манерными экзерсисами его протеже.